

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846

Рецензия на книги:
Lebedeva M. Russian Public Diplomacy.
From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 2021. 78 p.;
Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / ed. by A. Velikaya,
G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.

Б.Х. Бахриев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

b.bahriev@inno.mgimo.ru

Для цитирования: Бахриев Б.Х. Рецензия на книги: Lebedeva M. Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 2021. 78 p.; Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / ed. by A. Velikaya, G. Simons. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 844—846. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846

Books review:
Lebedeva, M. (2021). Russian Public Diplomacy.
From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 78 p.;
Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). Russia's Public Diplomacy:
Evolution and Practice. Cham: Palgrave Macmillan, 285 p.

Bahri Kh. Bahriev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

b.bahriev@inno.mgimo.ru

For citation: Bahriev, B. Kh. (2021). Books review: Lebedeva, M. (2021). Russian public diplomacy. From USSR to the Russian Federation. N.Y.: Routledge, 78 p.; Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). Russia's public diplomacy: Evolution and practice. Cham: Palgrave Macmillan, 285 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 844—846. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-844-846>

На фоне детериорации взаимоотношений между Западом и Россией возникает необходимость доведения до глобальной общественности и академических кругов специфики российской политики «мягкой силы». Для международной аудитории профильные исследования российских специалистов остаются неизвестными ввиду отсутствия работ на английском языке. В этом контексте рецензируемые монографии, изданные ведущими западными издателями, являются первыми попытками

российских ученых представить англоязычному читателю особенности понимания публичной дипломатии (как инструмента «мягкой силы») в академическом дискурсе России и специфику ее применения как инструмента государственной политики.

В монографии выдающегося российского исследователя мировой политики профессора М.М. Лебедевой «Российская публичная дипломатия: от СССР до Российской Федерации» исследуется преимущественно теоретический

© Бахриев Б.Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

дискурс о феномене публичной дипломатии в России. Представляя контекст его развития, автор утверждает, что в современном мире наблюдается рост значимости социально-гуманитарных ресурсов, дополняющих традиционные факторы влияния. Данный тренд, ставший предпосылкой развития публичной дипломатии, анализируется в первой главе. Разбирая концептуальные основы публичной дипломатии и характерные черты данного феномена, автор утверждает, что публичная дипломатия ориентирована на диалог, открытость и формирование долгосрочных отношений; она не использует манипулятивные стратегии (Lebedeva, 2021, p. 7). Непонимание таких особенностей приводит к усложнению категориального аппарата публичной дипломатии. Несмотря на подробный разбор смежных концептов, популярному в последние годы в западном академическом дискурсе термину «острая сила» (*sharp power*) не уделено должного внимания, хотя именно он на Западе встречается в контексте исследования политики «мягкой силы» России на современном этапе.

Во второй главе монографии в краткой форме раскрывается эволюция публичной дипломатии России — от советского периода до современности. По мнению автора, советская народная дипломатия отличалась этатизмом и сильным влиянием идеологических установок. Российская публичная дипломатия в первые постсоветские годы тоже оставалась «советской», но постепенно начала адаптироваться под политико-технологические реалии времени. Заключительная глава книги освещает исследовательский дискурс о публичной дипломатии в России. Выделены три группы ученых — теоретики публичной дипломатии, исследователи практики различных государств и международных организаций в этой области, а также специалисты конкретных направлений публичной дипломатии. Отмечается, в России недостаточно изучен опыт использования публичной дипломатии наднациональными структурами и международными организациями (Lebedeva, 2021, p. 41).

Рецензируемая книга, несмотря на небольшой объем, достаточно комплексно отражает специфику понимания публичной дипломатии в России. Для англоязычной

научной аудитории она прояснит многие концептуальные сложности по данной тематике.

Коллективная монография «Публичная дипломатия России: эволюция и практика» представляет читателю большую картину эволюции российской политики «мягкой силы», ее основных форм реализации через публичную дипломатию на современном этапе. Тематически главы книги можно условно разделить на три группы. Во введении и 1—4-й главах освещается исторический аспект российской публичной дипломатии и основные формы национального брендинга. В 5—9-й главах исследуются более узкие сферы российской практики — от цифровой, научно-образовательной дипломатии до возможностей гражданского общества и международных организаций по продвижению «мягкой силы» России. В остальных главах изучается публичная дипломатия РФ на примере отдельных регионов мира.

Во введении монографии авторы, представляя «жесткосиловые» реалии мировой политики, утверждают, что негативное восприятие российской политики «мягкой силы» на Западе возрождает дискурс о «новой холодной войне» (Velikaya & Simons, 2020, p. 12). Однако именно в такой ситуации публичная дипломатия России становится более «русской», то есть отходит от копирования западных моделей, прагматично концентрируясь на достижении задач внешней политики РФ.

Особый интерес вызывают главы, в которых изучаются использование РФ дипломатии развития (*development diplomacy*) для формирования позитивного международного имиджа, особенно после «крымской весны» 2014 г. (Velikaya & Simons, 2020, p. 65), а также цифровой дипломатии, выработавшей свою специфику, заключающуюся в точечном характере информационных проектов, воспроизводстве чувствительных дискурсов, формировании общественного мнения через умные хештэги и проч.

Актуальным представляется исследование научно-образовательного направления публичной дипломатии РФ для завоевания «умов и сердец» молодого поколения в разных странах и формирования стратегического социального капитала. Объективна во многом и оценка (не)участия гражданского общества в

российской публичной дипломатии, что осложняет ее нейтральное восприятие.

В блоке региональных кейсов обращает на себя внимание политика «мягкой силы» РФ в Латинской Америке, опирающаяся на активное использование информационной (Russia Today, «Россия сегодня») и научно-культурной дипломатии (Россотрудничества, РПЦ и др.). Учитывая противоречивую политику США в регионе, Россия становится более привлекательным партнером для латиноамериканских государств. Данным аргументом объясняются и успехи публичной дипломатии РФ на Ближнем Востоке, где Москва комбинирует использование «жесткой» и «мягкой силы».

В заключении монографии заслуживает внимания попытка редакторов А. Великой и Г. Саймонса объективно оценить эффективность публичной дипломатии РФ. Освещены такие проблемы, как исключительный акцент на работе с соотечественниками, незнание «публичными» дипломатами языков регионов пребывания, внимание к помпезным мероприятиям, отсутствие взаимодействия с критически настроенными кругами в странах-объектах и др. Отмечены необходимость проведения аудита публичной дипломатии РФ, корректировка идеологической стороны практики, в которой часто «инакомыслие путается с враждебностью» (Velikaya & Simons, 2020, p. 269). Сделан вывод, что из-за тактического и государствоцентричного характера публичной дипломатии РФ при ее оценке *показатели активности* преподносятся как *индикатор эффективности*, что не позволяет последовательно оптимизировать стратегию «мягкой силы» России.

В работе чувствуется стремление авторов к максимально нейтральному представлению своих взглядов. Однако критика в адрес

западной/американской публичной дипломатии встречается во многих главах. Монография выиграла бы от последовательного использования коллективом классического понимания публичной дипломатии, а также большего внимания к исследованию культурной дипломатии России в чистом виде. Также «утомительным» для читателя кажутся повторы описания деятельности структур российской публичной дипломатии, без которых текст выглядел бы более выигрышно.

Эти замечания, однако, не умаляют значимость книги, привлекая внимание западной академической аудитории в виде роста цитируемости, публикации рецензий и включения букинистическими агрегаторами в списки лучших новинок в области международных отношений и дипломатии.

Представленные научные монографии, таким образом, вносят значительный вклад в исследование теоретико-практических аспектов публичной дипломатии РФ на современном этапе. Выпуск работ известными западными издательствами на английском языке может способствовать девестернизации дискурса о публичной дипломатии, так как представленная в книгах специфика российской интерпретации и политики «мягкой силы» не всегда вписывается в каноническое, американское понимание публичной дипломатии. Наконец, сам факт публикации данных монографий на Западе на английском языке представляется формой публичной дипломатии, так как доводит до глобальной академической и широкой аудитории видение политики «мягкой силы» в России, профильную стратегию страны с объяснением ее специфики. Это делает рецензируемые издания значимыми научными трудами с высокой прикладной значимостью.

Поступила в редакцию / Received: 27.09.2021
Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список / References

- Lebedeva, M. (2021). *Russian public diplomacy. From USSR to the Russian Federation*. N.Y.: Routledge.
Velikaya, A., & Simons, G. (Eds.). (2020). *Russia's public diplomacy: Evolution and practice*. Cham: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Бахриев Бахри Хуршедович — кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0003-0542-7946; e-mail: b.bahriev@inno.mgimo.ru

About the author: Bahriev Bahri Khurshedovich — PhD (Political Science), Research Fellow, World Politics Department, MGIMO University; ORCID: 0000-0003-0542-7946; e-mail: b.bahriev@inno.mgimo.ru